

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА КАК ПЕРСОНАЖ КУЛЬТУРНОГО МИФА

Абашева М. П.

Пермский государственный национальный исследовательский университет
(Пермь, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

Аннотация. В статье рассматривается мифологизация биографии и личности Беллы Ахмадулиной на материале мемуарных и художественных текстов, часть из которых впервые вводится в научный оборот (впервые публикуются и фотографии Ахмадулиной 1963 года). Целью работы стало выявление констант, динамики биографического мифа Ахмадулиной, его функционирования в культуре. В качестве теоретических оснований исследования используются методы историко-культурного подхода к биографии (Г. О. Винокура, И. Н. Розанова и др.), работы Ю. Н. Тынянова, принципы понимания биографии Ю. М. Лотманом, методы рецептивной эстетики и нарратологии, социологические подходы. Изучаются прототипические модели мифологизации биографии, устойчивые мифемы и символы, а также обусловленность интерпретаций личности поэта позициями мемуаристов в литературном поле, жанровыми конвенциями, идеологическими и вкусовыми пристрастиями. Характер материала обусловил необходимость исследовать развитие ахмадулинского мифа вне, «после» биографии: писатели осуществляют креативную рецепцию и продолжают мифологизацию образа поэта в собственном творчестве. Биографический миф, как показал анализ, ускоряет развитие в культуре в соприкосновении с новыми медиа. Анализ, предпринятый в работе, приводит к выводу об определяющей роли авторского поэтического слова в мифе о поэте, выявляет ключевые символы мифа об Ахмадулиной, его разнородные репрезентации. Обнаружилось, что жанровые, стиливые, даже идейно-эстетические границы становятся проницаемыми для сквозных мифологем и символики: фикциональные и нефикциональные, художественные и научные, мемуарные и памфлетные тексты воспроизводят сквозные образы-символы и сюжеты. В результате миф о поэте представляется возможным рассматривать как текст культуры, информативный для изучения двух противоположных аспектов мифостроительства: он характеризует не только «героя», но и эпоху, его порождающую, выявляет ее запрос, востребованную культурную мифологию.

Ключевые слова: Ахмадулина; биографический миф; литературная репутация; рецепция; мемуары

Для цитирования: Абашева, М. П. Белла Ахмадулина как персонаж культурного мифа / М. П. Абашева. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 17–28. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-02.

BELLA AKHMADULINA AS A CULTURAL MYTH CHARACTER

Marina P. Abasheva

Perm State University (Perm, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5720-7916>

Abstract. The article discusses the mythologization of Bella Akhmadulina's biography and personality on the material of memoirs and literary texts, some of which are being introduced into literary criticism for the first time (1963 photos of Akhmadulina are also published for the first time). The study is aimed at identifying the constants, the dynamics of Akhmadulina's biographical myth, and its functioning in culture. As its theoretical foundation, the study employs the methods of historico-cultural approach to biography (G. O. Vinokura, I. N. Rozanova, etc.), the theoretical works by Yu. N. Tyunyanov, the principles of interpretation of biography by Yu. M. Lotman, the methods of receptive aesthetics and narratology, and the sociological approaches to literature. The study focuses on the prototypical models of biography mythologization, stable mythemes and symbols, as well as interpretations of the poet's personality determined by memoirists' positions in the literary field, genre conventions,

and ideological and taste preferences. The nature of the material makes it necessary to study the development of the Akhmadulina myth outside, “after” the biography: the writers carry out creative reception and continue the mythologization of the image of the poet in their own work. The biographical myth, as the analysis has shown, accelerates the development in culture in contact with new media. The analysis undertaken in the work has led to the conclusion about the decisive role of the author’s poetic word in the myth about the poet, has revealed the key symbols of the myth about Akhmadulina, and its heterogeneous representations. It has been found that genre, style, and even ideological and aesthetic boundaries become permeable to recurring mythologemes and symbolism: fictional and non-fictional, artistic and scientific, memoir and pamphlet texts reproduce recurrent images-symbols and plots. As a result, the myth about the poet can be considered as a text of culture, informative for the study of two opposite aspects of myth-creation: it characterizes not only the “protagonist”, but also the era that gives birth to this character, and reveals its demands, and the sought-after cultural mythology.

Key words: Akhmadulina; biographical myth; literary reputation; reception; memoirs

For citation: Abasheva, M. P. (2023). Bella Akhmadulina as a Cultural Myth Character. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 17–28. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-02.

О статусе биографического мифа

В изучении литературной биографии наметился собственный сюжет, демонстрирующий не только эволюцию литературоведческих подходов к проблеме, но и очевидно меняющийся представление о биографии писателя культурный контекст. В 1920–1930-е гг. в работах Г. О. Винокура, П. Сакулина, Б. В. Томашевского в фокусе внимания были феноменология и структура биографии. Но уже тогда звучал термин «биографическая легенда» [Томашевский 1923: 8], и «литературная личность» [Тынянов 1977: 279] мыслилась отличной от реальной. В 1970–1980-е гг. Ю. М. Лотман в книгах о Пушкине, о Карамзине, о декабристах осуществляет структурно-семиотический анализ писательского поведения, обусловленного идеологически и эстетически, изучает восприятие поведенческих кодов современниками, рассматривая поведение писателя как знаковый комплекс, а не как отдельные биографические события. Социологические подходы в литературоведении конца XX века переформулируют прежние подходы к биографии в сторону «литературной репутации»: понятие «биографии», таким образом, уступает место представлениям общества о писателе. Постструктуралистские подходы актуализировали аспекты мифостроительства, дискурсивных влияний и границ (М. Фуко доказал историчность самого понятия авторства [Фуко 1997]). Чем дальше, тем больше рост медийной активности писателя, влияние СМИ, телевидения, социальных сетей создают именно миф о писателе. Современный миф, по определению Барта, «превращает Историю в Природу» [Барт 1989: 96], то

есть рассказанное и вымышленное означающее притворяется реальностью – так созданный миф о писателе замещает его биографию. Примечательно, что литературовед В. Новиков книгу, посвященную биографиям современных писателей, называет «Литературные медиаперсоны XX века» [Новиков 2017]. Писатель (не всякий, впрочем) действительно становится медиаперсоной. И в этой ситуации особое значение приобретает исследование читательской рецепции.

Биография как миф: слово – имя – образ

Феномен Беллы Ахмадулиной интересен тем, что мифология ее личности и творчества оказалась вдруг ярче иных даже на фоне не менее знаменитых и медийных современников. Ведь нет мифа замечательного поэта Арсения Тарковского, например, или Роберта Рождественского, так же, как и Ахмадулина, выступавшего в залах Политехнического? В настоящей работе предпринята попытка выявить особенности восприятия личности Ахмадулиной, определить контуры биографического мифа, его рецепцию и творческое развитие.

Мемуарный дискурс, корпус художественных текстов, героиней которых стала Белла Ахмадулина, весьма обширен: поэтессе любители читатели, ее неординарная личность, жизненное поведение были яркими, внешность – притягательной, стихи заучивались наизусть восторженными поклонниками. Сегодня, когда литература XX века стремительно становится историей, самое время собирать свидетельства очевидцев и осмыслять мемуарные и художественные тексты современников.

Однако, хотя существенные аспекты творчества Беллы Ахмадулиной осмысляются в монографических исследованиях (Т. Алешки, Ketchian, В. Зубаревой и др.) и в проблемных статьях, ее биография, репутация, поэтический имидж в литературоведении изучаются нечасто. Исключение – работа И. С. Скоропановой, где предпринят анализ многочисленных литературных образов, прототипом которых стала Ахмадулина [Скоропанова 2017]. В нашем анализе рассмотрен образ Ахмадулиной не столько как прототипический, сколько как мифологический и даже мифогенный – выходящий за пределы литературы.

Но в целом воспоминания, некрологи, письма и иные документы Ахмадулиной чаще привлекают внимание журналистов, а не исследователей. Беллетризованные биографии, написанные журналистами, ориентированы на вкусы массовой публики, основным предметом интереса становятся обстоятельства личной жизни, донжуанские списки, свидетельства людской молвы... [Мишаненкова 2017]. Примечательны названия серий, в которых выходят эти книги: «Автобиография-бестселлер», например [Завада, Куликов 2023]. Однако даже обывательский интерес – знак того, что миф о поэтессе сложился и в иных странах культуры.

Необходимо, прежде всего, признать неоднородность исследуемого материала, как и неоднородность мемуарного образа Ахмадулиной. По степени фикциональности воспоминания варьируются от свидетельств очевидцев (книга «Промельк Беллы» Б. Мессерера 2017 года, впервые опубликованная в журнальном варианте в 2011 году) до беллетризованных мемуаров и романов («Накануне накануне» Евгения Попова (1993), «Таинственная страсть» Василия Аксенова (2007) и др.) Кроме степени беллетризованности, мемуары разнятся в зависимости от позиции, точки зрения: дружественные воспоминания Владимира Войновича или Андрея Битова отличны от пародийно-травестирующей точки зрения повествователя-западного слависта в «Момемурах» Михаила Берга (1993–1994). Не говоря уже о пристрастности и страстности позиций мужей Ахмадулиной: Юрия Нагибина («Дневники», 1995) и Евгения Евтушен-

ко (роман «Не умирай прежде смерти», 1993), Бориса Мессерера в упомянутой выше книге.

Учитывая эти различия, попытаемся выявить, как сказал бы Г. О. Винокур, синтаксис биографии Ахмадулиной. В работе «Биография и культура» Винокур писал: «Самая последовательность, в которой группирует биограф факты развития, а отсюда и все свои факты вообще, есть последовательность вовсе не хронологическая, эволюционная, а непременно синтаксическая» [Винокур 1997: 40–41]). То есть у биографии есть логика, и она, по мнению Винокура, задается эпохой и ее нормами, с одной стороны, и «внутренней формой биографической структуры» индивида, с другой. Правда, понятие синтаксиса тоже нуждается в уточнении и развитии. С. Н. Зенкин справедливо заметил, что Винокур, «сосредоточившись на том, как биография проживается, <...> оставляет за рамкой рассмотрения то, как она рассказывается». [Зенкин 2021: 263]. Безусловно, есть логика и законы самой наррации о биографии.

Выявлять синтаксическую последовательность и ее нарративное воплощение начнем с мемуаров Бориса Мессерера. Хотя книга имеет подзаголовок «романтическая хроника», по организации художественного времени термин «хроника» – не совсем точный. Хронике положено представлять последовательное изложение событий на определенном отрезке времени. В случае же Мессерера автору важнее обозначить позицию повествователя-хроникера (смирненного летописца) и произвести некоторый «сдвиг», обновление жанра: понятие «семейная хроника» освежается авторской номинацией «романтическая». История любви изложена хронологически, но в целом принцип организации повествования, скорее, монтажный: в историю отношений включаются, например, портретные очерки-зарисовки друзей: Владимира Высоцкого, Андрея Битова, Венедикта Ерофеева и др.

Важно, что тон воспоминаний задан с самого начала, уже с заглавия, словом героини. «Промельк» – частотное слово поэзии Ахмадулиной, у нее «промельков» десятки: «И только галки промельк мимо глаз» [Ахмадулина 2010: 40]); «Нет, был в нём, был опаски быстрый промельк» (не цитата ли из Пастер-

нака?) [Ахмадулина 2011: 155]; «приходят блики, промельки, ознобы» [Ахмадулина 2010: 262]

Мультиповествовательные по структуре мемуары Мессерера и открываются словом не авторским, но самой Беллы Ахмадулиной. И здесь синтаксис биографии подчиняется логике мифа, ее рассказ о своей биографии строится на архетипах. Начинается он с мифологемы чудесного ребенка: «... в раннем, самом раннем начале детства меня осеняло какое-то чувство, что я <...> знаю что-то, что и не надо знать, и невозможно знать, и, в общем, что выжить – невозможно. Впоследствии мне придется расшифровывать и разгадывать это постоянное выражение скорби, которое не присуще все-таки столь малому и ничтожному младенцу». У младенца – раннее призвание: «Ну, дети говорят, кем они хотят быть, <...> пожарником, летчиком. Я же ответила так: – Я буду литератором» [Мессерер 2016: 14].

Автору этих строк доводилось собирать писательские рассказы с условной темой «Как я стал писателем» [Абашева 2001]. Обнаружилось, что такие рассказы имеют общую структурно-мифологическую основу. Это инициальный миф: ощущение одиночества и особого предназначения с раннего детства, преодоление страданий, испытаний, приход к творчеству, непременно осененный присутствием некоего «жреца», посвященного. В пересказанной Мессерером биографии Беллы Ахмадулиной испытания начинаются с раннего детства: угроза голодной смерти в эвакуации, чудесное спасение ценой жизни тети-татарки. Невзгоды войны, изгойство в школе. Но одиночество вдруг волшебным образом раступается перед вестниками мира литературы: неожиданным телефонным звонком Марии Шкапской, письмом Ильи Сельвинского, заступничеством Степана Щипачева, позже – пережитой как чудо встречей с Борисом Пастернаком. Функция их в биографическом инициальном мифе – функция «жрецов», посвящающих героиню в новое бытие – поэта.

В «Промельке Беллы» мемуаристу отведена роль второй скрипки. Подобный принцип зависимости от слова Беллы работает применительно ко многим мемуаристам и на разных уровнях текстовой организации. Некролог, написанный Анатолием Королевым в

день смерти Ахмадулиной, так же демонстрируют «закодированность» ее словом. Некролог имеет заглавие «Свеча на ветру», отсылая к названию известного ахмадулинского сборника, и далее имена книг поэтессы Королев использует как метатекст: «“Озноб”, “Метель”, “Свеча”, “Тайна”, “Сад”, пишет он, – складываются в целое стихотворение, где снегу, вьюге, листопаду, ливню противостоит только одна свеча, которую нужно пронести в голой руке над водой, даже тогда, когда жизнь с головой ушла под воду...» [Королев 2010].

Текст Королева интересен тем, что обнаруживает общие элементы, алфавит ахмадулинского мемуарного мифа, при этом он представляет собой «эстетический отклик», о котором писал Стенли Фиш, – то есть демонстрирует, что текст делает с читателем [Fish 1970: 125]. Рецептивные аспекты мифа, отклик нарратора оказываются не менее важными в мифостроительстве, чем слово и поступок героя мифа. В целом, как мы видим, ахмадулинский миф сложился в мемуарных текстах под воздействием реальных особенностей внешности, поведения, поступков поэтессы, но постепенно выработались и устойчивые риторические стратегии воплощения этого мифа. Попробуем выявить общие места, топосы, характерные для воспоминаний о Белле Ахмадулиной.

Мифемы, константы, символы

Прежде всего, героиня мемуаров – красавица. Характерны воспоминания Андрея Дементьева: «Беллу бог наградил очень щедро, она была красива во всем» [Голос эпохи 2010]. У ироничного Александра Жолковского в «Виньетках» читаем: «объектом восхищенного внимания, как литературоведческого, так и человеческого, она для меня оставалась» [Жолковский 2003: 420].

В облике Ахмадулиной все наблюдатели подчеркивают царственность и экзотичность. У Анатолия Королева поэтесса – «черная царица лебедь»; «царица из сказки» [Королев 2012: 10]. Экзотичность внешности мемуаристы нередко объясняют татарским и итальянским происхождением Ахмадулиной. У Евтушенко читаем: «я забегал вперед и заглядывал в ее бахчисарайские глаза», «у нее были раскосые глаза сиамской кошки» [Евтушенко

2015: 21]. Алла Гербер вспоминает: «Она вообще была необыкновенная. Она ходила необыкновенно, она говорила необыкновенно» [Голос эпохи 2010]. Характерная доминанта описаний поэтессы – ощущение хрупкости, «инопланетности». У Королева: «Редкое растение: весь ее уникальный облик ассоциировался скорее не с человеком, не с женщиной, а с неким нежным экзотическим растением в оранжерее» [Королев 2012: 10–11].

Кроме образа «прекрасной дамы» (так, например, называются бесчисленные поурочные разработки об Ахмадулиной в сети – мы видим, как миф торжествует и неизбежно тривиализуется), складывается противоположный, казалось бы, образ Беллы Ахмадулиной как «божественного кореша» (А. Вознесенский). Этот образ, конечно, примечателен с точки зрения гендерной идентификации: он дает мифу необходимый оттенок андрогинности героя. Особенно ярко проявились оба акцента – предельной женственности и мальчишеской отваги – в романе «Таинственная страсть» Василия Аксенова, где Ахмадулина выбивается из общего ряда персонажей. Поэтика романа основана на остранении, отчасти пародии, фантастическом и нарочито литературном модусе. Отказ от него, установка на серьезность и жизнеподобие, в частности, и определили, по нашему мнению, неудачу одноименного сериала 2016 года. Образ Нэлки Аххо у Аксенова – более мифологизированный, чем образы шестидесятников-мужчин – Антоши Андроетиса (Андрея Вознесенского) или Яна Тушинского (Евгения Евтушенко). Особое значение образа-мифа Ахмадулиной для романиста сказывается и в использовании того же «слова Беллы» в названии романа. «Таинственная страсть» – цитата из знаменитого ахмадулинского стихотворения «По улице моей...». Эта строчка, в песенном варианте пропущенная, а потому не столь известная, сообщает сложность и неоднозначность оценке персонажей, задает угол зрения: «К предательству таинственная страсть, / друзья мои, туманит ваши очи» [Ахмадулина 2009: 30]. Друзья-мужчины оказываются оцененными словом Беллы, а она пребывает вне пределов этой оценки.

Образ Ахмадулиной в романе Аксенова развивается в описанных выше координа-

тах складывающегося ахмадулинского мифа, на испытанных его константах: детскость – «обиженный ребенок» [Аксенов 2011: 247], «дитя, девочка» [Там же: 382] поэтический дар – «гениальный поэт Нэлка [Там же: 342], экзотическая красота – «несравненная Нелла Аххо» [Там же: 318]. Подчеркнуты связи с Серебряным веком: характерно ее описание «в огромной шляпе “серебряного века”, когда-то, говорят, принадлежавшей закатной звезде Петрограда Олечке Глебовой-Судейкиной» [Там же: 260]. Генеалогия образа Ахмадулиной от Цветаевой и Ахматовой, похоже, становится общим местом, но Аксенов здесь был одним из первых: «поэтесса Аххо с ее цветаяевской челкой» [Там же: 282]. Царственность облика важна и здесь: «дева удачи в лиловой тунике». <...> «Когда она кончила читать и застыла с отведенной в сторону гор рукой, все трое виновников торжества встали перед ней на одно колено» [Там же: 361–362].

Само имя Ахмадулиной у Аксенова мифогенно. «Гениальная Белла Ахмадулина становится Нэллой, а ее фамилия превращается просто в возглас восторга – Аххо!», – говорится в авторском предисловии [Там же: 8]. «Аххо» у Аксенова – и восторженное восклицание, и анафорическая переключка с фамилией Ахматовой. Таким образом, Аксенов мифологизирует Ахмадулину с самого первоначального уровня мифа (в соответствии с лосевским пониманием мифа как развернутого магического имени [Лосев 1990: 579]).

Чуть отвлекшись от мемуаров, заметим: в стихах имя, даже его начало сатирически обыграл Всеволод Некрасов: «Ах/ А мы думали/Ох/Что это было/ Бриджит Бардо/ Новейшей бывшей/Советской нашей поэзии/ И изящнейшей/ Словесности наших дней» [Некрасов 1978: 80]. Примечательно, что и в иронически заостренных текстах, каковым является стихотворение Некрасова, выявляется та же модель: и восхищение, и нездешняя (Бриджит Бардо) красота, и тяга к «старинной речи».

В пародийно-травестийных «Момемурах» Михаила Берга, написанных от лица вымышленных австрийских филологов, в изображении поэтессы Алминэску работает та же модель: «аффектированная вопросительность, экзальтированный надлом <...>. Артистиче-

ская грация в каждом жесте» [Ханселк, Северин 1993]. Отмечены и легкость, и театральность образа: «ощущение, ею вызываемое, запоминалось, как полет бабочки или стрекозы в театральном зале» [Там же]. Зоилы-пародисты внимательны к ахмадулинской поэтике, через которую осмыслиют внешность и позу: джин в стакане Алминэску плещется, «как и в каждом ее четверостишии, где прозаизмы соединялись с высокими словами посредством дательного падежа и слово плавало в строке, наполненной пеной нервной женственности» [Ханселк, Северин 1993]. Конечно же, и Некрасов, и Берг, авторы тогда неподцензурной поэзии, сражаются не с Ахмадулиной, но с официальной, по их меркам, советской поэзией. И при этом константы образа Ахмадулиной все-таки сохраняются, они, очевидно, оказываются независимыми от идеологических оценок.

Это предположение любопытно проверить в текстах идейных «врагов» Ахмадулиной. Роман пламенного борца с «модернистами» Ивана Шевцова «Во имя отца и сына» (1970) тяготеет к памфлетной обобщенности и условности. В главе, названной «Поэзия и антипоэзия», автор дает пародийные образы Артура Воздвиженского (гибрид фамилий Вознесенского и Рождественского) и Новеллы Капорулиной как образец антипоэзии, противопоставленной, кстати, стихам реальных поэтов – Бориса Ручьева и Василия Федорова. Последние вживую на вечере не присутствуют, за Ручьева говорят его стихи – тогда как стихи Воздвиженского и Капорулиной сочинены-спародированы автором романа. Плакатные приемы изображения Ахмадулиной как прототипа очевидны: имя Новелла (для сходства с двумя «л»), содержит семантику новизны и отчасти литературности, а похожая по звучанию на настоящую фамилия намекает на дамский капор [Шевцов 1970].

Постепенно формируются сквозные метафоры биографического и мемуарного дискурса об Ахмадулиной: и у Королева, и у Берга есть образ Ахмадулиной как преломляющей линзы. Алла Гербер употребляет многозначное и частотное для мемуаров об Ахмадулиной слово-образ: звезда. «И Белла была звездой среди всех, она была звездой» [Голос эпо-

хи 2010]. У Бродского Ахмадулина «роза», у Королева – «роза из бронзы».

Бродский в эссе, написанном для журнала «Вог» в 1977 году, работает уже с готовой мифемой «розы», но относит ее не к внешности поэтессы. Он создает новую метафору (или синекдоху, если читать «розу» именем или символом Ахмадулиной). У Бродского форма розы выражает суть поэтики ахмадулинских стихов: «Ахмадулина скорее плетет свой стих, нежели выстраивает его вокруг центральной темы, и стихотворение, после четырех или того меньше строк, расцветает, существует почти самостоятельно, вне фонетической и аллюзивной способности слов к произрастанию» [Бродский 1977]. Роза становится здесь метафорой искусства Ахмадулиной и ее характера, места в литературе: «Подобно упомянутой розе, искусство Ахмадулиной в значительной степени интровертно и центростремительно. Интровертность эта, будучи вполне естественной, в стране, где живет автор, является еще и формой морального выживания» [Бродский 1977].

Таким образом, миф об Ахмадулиной разворачивается, говоря словами А. Ф. Лосева, как «в словах данная чудесная личностная история» [Лосев 1990: 578]. А семы (или мифемы) женской красоты, символика звезды, связь с поэтессами Серебряного века, вкуче с образами-символами поэзии самой Ахмадулиной (свеча, звезда, музыка, тайна), творят образ поэтессы, повторяясь в описаниях современниками ее внешности, поэзии, биографии.

Но как меняется ахмадулинский биографический миф во времени? Какова динамика этого мифа?

Большинство воспоминаний о зрелой Белле Ахмадулиной свидетельствуют о ее поступках, обусловленных гражданской, идеологической позицией, о ее порой безоглядной смелости и независимости. Она защищала диссидентов, участвовала в альманахе «Метрополь», заступалась за попавшего в полицию Д. А. Пригова. История о том, как она якобы приехала к Сахарову в ссылку, хоть и развенчивается ею самой и, например, Владимиром Войновичем, но охотно подхватывается Евтушенко [Евтушенко 1995]. И вот уже сам Войнович в воспоминаниях говорит, что

этого не было, но могло быть [Войнович 2017]. Миф здесь важнее факта.

Ахмадулина несуетно осознавала мифологичность своего образа, его театральность. В интервью «Известиям» 2006 года читаем: «Поведение на белом свете – это все равно, что поведение на сцене. Человек всегда театр для другого» [Ахмадулина 2006]. А в ее письмах приведены случаи, когда ее не узнавали в больнице, в аэропорту, эти фрагменты озаглавлены (из текста непонятно, ею или составителем подборки Борисом Мессерером) словами «Не похожа на Ахмадулину». «Вымышленный мой образ – то ли телевидение, то ли слухи, но не похожа я на знаменитую поэтессу», – заключает она [Мессерер 2016: 126].

То есть в последние годы жизни поэтессы миф о ней отделился от нее самой. При этом миф, кажется, развивается по своим особым законам, образ воспринимается в готовом и завершенном виде. Так, театральность поведения превращается в готовую «усугубленную» игровую маску – в интервью Ахмадулина радуется сравнению себя с клоуном Енгибаровым [Ахмадулина 2006].

Отделившись от реального прототипа, миф продолжает жить в культуре и даже становится сюжетогенным началом, основой для новых авторских мифов. Остановимся теперь на тех случаях, когда биографический миф становится сюжетогенным и продолжает работать в культуре, развивая собственные «валентности».

От рецепции биографического мифа – к новому литературному образу и сюжету

Поскольку мы имеем дело главным образом с писательской рецепцией образа и мифа Ахмадулиной, можно наблюдать, как ее миф вплетается в авторскую мифологию второго порядка. Так происходит в повести Анатолия Королева «Ожог линзы» (1988).

Нам уже доводилось писать в отдельной статье об этой повести в связи с литературным расследованием по поводу ее прототипов: «Это повесть о том, какую роль сыграло стихотворение “Слово” в судьбе двух мальчиков из Перми – Андрея и Марата. Оба послали свои стихи поэтессе Агате Р. (в ней однозначно узнается Белла Ахмадулина <...>)» [Абашев, Абашева 2012].

В повести Королева Агата Р. «была почти не похожа на свои фотографии, но зато была точной копией собственного голоса, и с этим голосом у нее были свои счеты...» [Королев 1988: 20].

Судя по описаниям, ахмадулинский миф в 1988 году уже сформировался полностью. В описании Агаты фигурируют ключевые символы ахмадулинской поэзии: «тайна», «свеча», «ветер». Примечательно сходство образа Агаты Р. в повести с описанием встречи с Ахмадулиной, которое Королев дал в более поздних комментариях: «за стеклом близко проплыли ее трагические заплаканные глаза над скобкой стиснутого рта, как у мима, углами вниз, рука, озаренная блеском колец в крупных камнях, свиток белого жемчуга вокруг горла <...> елочная игрушка на ёлке серебряного века, которая упала с ветки, разбилась, но ее заботливо склеили» [Королев 2012: 10]. Характерны здесь детали портрета и упоминание о Серебряном веке.

В основе повести Королева лежит случай из биографии Беллы Ахмадулиной. В процитированной статье этот случай описан, но теперь, по истечении времени, мы располагаем свидетельствами «участников», прототипов биографического мифа, они написали свои воспоминания.

По сюжету Марат в повести Королева – баловень судьбы, «счастливцу» посвящено стихотворение «Слово». Андрей, «несчастливцев», прочитал в далеком своем городе Энске в столичном журнале стихотворение Агаты Р., решил, что оно обращено к нему, помчался в Москву, трепеща, добивался встречи... Когда долгожданная встреча состоялась, потрясенный Андрей понял, что стихи посвящены другому – его однокласснику Марату. Встреча с Агатой Р. изменила судьбу обоих: Агата забирает поэтический дар у Марата, потом возвращает его. Прообраз-архетип этого сюжета – инициальный миф посвящения, миф о губящей богине.

В повести Королев использовал только отблеск славы Ахмадулиной, молву, связанную с ахмадулинским мифом, – о том, как незнакомый Королеву (что сам родом из Перми) пермский юноша ездил к Белле Ахмадулиной в Москву за «благословением» к поэтическому

поприщу, а потом стал адресатом ее стихотворения.

Мы нашли прототипов повести, участников событий, ей предшествовавших. Они – и реципиенты, и творцы, и персонажи ахмадулинского мифа. Приведем здесь их свидетельства. В мемуарах Игоря Ивакина в 1964 году он, начинающий поэт, редактор газеты «Пермский университет», попал на встречу с поэтессой в Москве: «Нам объявили, что в семь вечера приедет Белла Ахмадулина. <...>. Читала она ровно шестьдесят минут. Одно из последних стихотворений называлось “Мальчик из Перми”. <...> Я один из первых послал записку с просьбой прочитать отрывок из поэмы “Дождь” и подписался “Мальчик из Перми»». Игорь, как оказалось, понимал, что он не один: «Когда я подписал записку “Мальчик из Перми”, я не обольщался, что оно посвящено мне <...> в универе (по-моему, на мехмате) учился Волковьский, сын профессора. Так вот Кирилл тоже посылал свои стихи Белле, как и я» (ошибка памяти в имени Волковьского) [Ивакин 2012: 70–71].

Оба мальчика (и сколько их было еще?) послали свои стихи Ахмадулиной! Ивакин пишет: «Я посылал ей свои произведения, когда учился то ли в девятом, то ли в десятом классе. Возможно, они и не дошли (писал на адрес Москва, Союз писателей, Б. А. Ахмадулиной)» [Ивакин 2012: 71]. Удивительно, но корреспондент верил, что письмо найдет адресата.

Таким образом, Ахмадулина в культуре шестидесятых годов обретает еще одну мифологическую роль – жрицы-посвященницы. Примечательны реальные истории встреч (и не встреч) мальчиков со своей Музой – они демонстрируют и силу мифа, и культурную роль поэта в 1960-е годы. Игорь Ивакин «задержался в Москве на несколько дней, потрясенный красотой <...> Ахмадулиной, поставил задачу встретиться с ней» [Ивакин 2012: 72–73]. Повод – глава в его дипломной работе о киносценарии Ахмадулиной «Чистые пруды» по рассказу Ю. Нагибина. «Целый вечер был сам не свой от счастья» [Там же: 74]. Белла согласилась принять его, встретила гостя вместе с Ю. Нагибиным, стала листать дипломную работу – однако раздался звонок, она заспешила уходить, пригласила Игоря на дачу. Он приехал туда назавтра, ему не открыли – он «как

девчонка, расплакался» [Там же: 76]. Встреча стала событием в жизни самого Игоря, но и повлияла на жизнь литературы: «Рассказал как-то эту историю своему товарищу и бывшему выпускнику Толе Королеву. Он на этот сюжет написал книгу “Ожог линзы” <...> очень метко озаглавил свою книгу, потому что я получил ожог души» [Там же: 77].

Сходным образом описал свой опыт Керим Волковьский: «... и хотя я, заурядный советский подросток из профессорской семьи, никакого СЛОВА не произносил, стихотворение меня поймало, отметило и заклеило на всю жизнь; обожгло».

Шестнадцатилетний сын декана математического факультета Пермского университета, писавший стихи, незадолго до Игоря встретился с Ахмадулиной у нее дома в 1963 году. «Первый страх преодолен, приглашение прийти получено по телефону, и вот уже остриженный под машинку, упитанный мальчик давит потным пальцем звонок, стоя перед входом в “роскошную” квартиру в писательском доме по ул. Чернышевского, дом 4; дверь открывает мрачный (беодолага) Юрий Маркович: “Белла, к тебе”. Дальше все просто: предложенный кофе выпит, американская сигарета нерешительно отклонена – мальчик пока не курит; плохие стихи прочитаны (“за что туман упал на город”), их незрелость отмечена (о!), и далее найдена дипломатическая формулировка: не помню точно, то ли была похвалена тонкая эмоциональность и нервность, то ли нервная тонкость и эмоциональность... Но главное не в стихах, наш мальчик, как говорится, пропал – он влюбился по уши. Или решил, что влюбился» [Волковьский 2012].

Миф работает по единой модели, и уже не кажется удивительным, что в гостях у поэтессы в это время был еще мальчик из другого города. Их и запечатлел Павел Антокольский на прилагаемой к настоящей статье фотографии. Керим свидетельствует: «Фотографии были сделаны в августе 1964-го года 80-летним поэтом, Павлом Григорьевичем Антокольским, на даче Нагибина, в Красной Пахре; третий молодой человек, присутствующий на снимках – поэт Егор (больше о нем ничего не знаю), как и я из “почитателей» [Волковьский 2012].

Итак, миф об Ахмадулиной доказывает свое существование уже тем, что работал в культуре не как случай, а как культурный механизм, причем повторяющийся. В описанной житейской ситуации и в литературном сюжете повести Королева накладываются друг на друга два мифа: посвятительный миф инициации, миф губящей Богини, Сивиллы, на который легко ложится образ красавицы Беллы, в которую оказались влюблены едва ли не все мальчики страны.

В данном случае интересно, как миф порождает миф и возвращается в биографию. Ведь история разговора с «мальчиком из Перми», побывавшем у Ахмадулиной в 1963 году, оказалась сюжетогенной и для нее самой: родились два прекрасных текста – «Слово» (1965) и «Спас полунощный» (написан после визита в Пермь в 2007), ставших диптихом.

Было бы неверно не искать в общем корпусе свидетельств об Ахмадулиной случаи демифологизации. Однако они чаще всего обочиваются ремифологизацией (кумир поверженный – все Бог!). Таков образ Ахмадулиной в дневниках Юрия Нагибина, бывшего мужа. В них Белла Ахмадулина – не столько общий, разделенный со многими миф, сколько личная боль. Сначала его любовь появляется на страницах дневника апофатически, без имени, потом маркируется литературным персонажем: она Гелла (отсылка к булгаковскому персонажу в романе «Мастер и Маргарита»), ведьма. Но на последних страницах нагибинских мемуаров реальное имя возвращается, Белла Ахатовна именуется Ахмадулиной в сочувственном и уважительном контексте: она единственная, кто беспокоится об упадке дачи Пастернака [Нагибин 1997]. То есть начальные и конечные точки нагибинских воспоминаний – восхищение и уважение ее гражданским мужеством – соответствуют общей линии судьбы Ахмадулиной и мифа о ней. «Поздний» Нагибин уже знаком с состоявшейся биографией Ахмадулиной. Б. В. Дубин справедливо заметил, что биография должна быть достроена извне: доводить ее до окончательной формы приходится уже не герою, а автору «биографического дознания», который превращает факты чужой жизни в связное повествование, «в исполняющееся пророчество» [Дубин 2001: 118]. Биографиче-

ский миф продолжает жить как сложившаяся форма.

Итак, мемуарный образ, автоконцепция, литературный персонаж сливаются в биографический миф об Ахмадулиной. Документальный и художественный образ Ахмадулиной срастаются, что обусловлено и сегодняшней тенденцией к сближению фикциональных и фактуальных жанров, участием влиятельных медиа. Так, популярности Ахмадулиной способствовал кинематограф: ее появление в фильмах популярных режиссеров «Застава Ильича» (1964) Марлена Хуциева, «Живет такой парень» (1964) Василия Шукшина запечатлело в памяти зрителей незабываемый образ, а стихи (ставшие песнями) известны не только любителям поэзии после рязановского фильма «Ирония судьбы» (1975), ежегодно просматриваемого россиянами и сегодня. Миф в восприятии читателей – быть может, наиболее интересный поворот будущих исследований.

Сегодня мы можем засвидетельствовать, что миф Ахмадулиной уже сложился в современном культурном сознании, что он зачастую задается образами и словом самой поэтессы, что инвариантные черты этого мифа (красота, звучание голоса, отсылки к Ахматовой), символы-мифемы (роза, звезда, богиня) воспроизводятся носителями мифа с разными взглядами, вне оценки самой героини (собственно, так быть и должно – миф безоценочен). Биографический миф породил новые мифологемы, сюжеты в литературе и культуре. Исследователям предстоит, вероятно, изучить его место в разных социальных стратах, литературных сообществах и на разных временных отрезках, поскольку логика литературного биографического мифа много говорит о времени, когда он был создан.

На фото Белла Ахмадулина и Керим Волковський (справа), 1963 год. Фотография из личного архива Керима Волковського, сделана Павлом Антокольским, публикуется впервые.

ЛИТЕРАТУРА

- Абашева, М. П. «Как стать писателем» (по рассказам пермских литераторов) / М. П. Абашева // Провинция. Поведенческие сценарии и культурные роли. Международная конференция «Геопанорама русской культуры». – М., 2000. – С. 47–53.
- Абашев, В. В. А был ли мальчик из Перми? Литературное расследование / В. В. Абашев, М. П. Абашева // Новый мир. – 2012. – № 10. – С. 118–132.
- Аксенов, В. П. Таинственная страсть [роман о шестидесятниках]. Авторская версия. Книга 1 / В. П. Аксенов. – М. : Издательство «Семь дней», 2011. – 677 с.
- Алешка, Т. В. Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии / Т. В. Алешка. – Минск : РИВШ БГУ, 2001. – 124 с.
- Ахмадулина, Б. А. Друзей моих прекрасные черты... / Б. А. Ахмадулина. – М. : Астрель ; Олимп, 2009. – 507 с.
- Ахмадулина, Б. А. Ночь упадания яблок... / Б. А. Ахмадулина. – М. : Астрель ; Олимп, 2010. – 514 с.
- Ахмадулина, Б. А. «Мне кажется, я скоро стану писать о неграх...». Интервью записал Юрий Куликов / Б. А. Ахмадулина. – Текст : электронный // Известия. – 27 июля 2006. – URL: <https://iz.ru/news/315748> (дата обращения: 01.02.2023).
- Ахмадулина, Б. А. Пуговица в китайской чашке / Б. А. Ахмадулина. – М. : Астрель ; Олимп, 2011. – 637 с.
- Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – 616 с.
- Бродский, И. Зачем российские поэты? / А. Бродский. – URL: https://brodskiy.su/proza/zachem-rossijskie-rotyu/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 01.02.2023). – Текст : электронный.
- Винокур, Г. О. Биография и культура. Русское сценическое произношение / Г. О. Винокур. – М. : Русские словари, 1997. – С. 17–88.
- Войнович, В. Н. «Белла была отчаянной хулиганкой». Писатель Владимир Войнович об отваге, юморе и «инстинкте самосохранения личности» Беллы Ахмадулиной / В. Н. Войнович. – Текст : электронный // Газета.ru. – 09.04.2017. – URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/03/30_a_10603433.shtml#page1 (дата обращения: 01.02.2023).
- Волковський, К. Л. Воспоминания / К. Л. Волковський. – 2012 (Архив автора статьи).
- Голос эпохи. Друзья и коллеги о Белле Ахмадулиной. – Текст : электронный // РИА новости. Россия сегодня. – 30.11.2010. – URL: <https://ria.ru/analytics/20101129/302450565.html> (дата обращения: 01.02.2023).
- Евтушенко, Е. А. Волчий паспорт / Е. А. Евтушенко. – М. : Азбука-Аттикус, 2015. – 760 с. – URL: <https://e-knigi.com/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/page-21-115433-evgenii-evtushenko-volchii-pasport.html> (дата обращения: 01.02.2023). – Текст : электронный.
- Евтушенко, Е. А. Кратко о Б. Ахмадулиной / Е. А. Евтушенко. – Текст : электронный // Строфы века. Антология русской поэзии / сост. Е. Евтушенко. – Минск ; Москва : Полифакт, 1995. – URL: <http://poetrylibrary.ru/stixiya/7.html> (дата обращения: 01.02.2023).
- Дубин, Б. В. Биография, репутация, анкета / Б. В. Дубин // Слово – письмо – литература. – М. : НЛО, 2001. – С. 98–119.

- Жолковский, А. Эросипед и другие виньетки / А. Жолковский. – М. : Водолей Publishers, 2003. – 624 с.
- Завада, З. Цвет и тени Беллы Ахмадулиной. Первая полная биография / З. Завада, Ю. Куликов. – М. : Эксмо, 2023. – 928 с. (Серия «Автобиография-бестселлер»)
- Зенкин, С. Н. Три теоретика биографии: Винокур, Лотман, Дубин / С. Н. Зенкин // *Studia Culturae*. – 2021. – Вып 4 (46). – С. 259–269.
- Ивакин, И. Н. Куда жить? Путешествие из точки А в точку... Книга воспоминаний / И. Н. Ивакин. – Пермь, 2012. – 163 с.
- Королев, А. В. Белла Ахмадулина: свеча на ветру / А. В. Королев. – Текст : электронный // РИА новости. Россия сегодня. – 29.11.2010. – URL: <https://ria.ru/analytics/20101129/302450565.html> (дата обращения: 01.01.2023).
- Королев, А. В. Ожог линзы / А. В. Королев. – М. : Советский писатель, 1988. – 366 с.
- Королев, А. В. Ожог линзы. История текста / А. В. Королев. Рукопись 2012 (Архив автора статьи).
- Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / Л. Ф. Лосев. – М. : Издательство «Правда», 1990. – 655 с.
- Мессерер, Б. А. Промельк Беллы. Романтическая хроника / Б. А. Мессерер. – М. : Издательство Елены Шубиной, 2016. – 848 с.
- Мишаненкова, Е. А. Любовь – дело тяжелое / Е. А. Мишаненкова. – М. : АСТ, 2017. – 320 с. (Серия «Контур времени»)
- Нагибин, Ю. М. Дневник / Ю. М. Нагибин. – М. : Книжный сад, 1996. – 727 с.
- Некрасов, В. Н. Тридцать семь / В. Н. Некрасов. – Текст : электронный // Журнал о культурной и религиозной жизни. – Ленинград, 1978. – № 15, июнь. – URL: http://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A37_15/datastream/PDF/view (дата обращения: 01.02.2023).
- Новиков, В. И. Литературные медиаперсоны XX века: Личность писателя в литературном процессе и в медийном пространстве / В. И. Новиков. – М. : Аспект-Пресс, 2017. – 240 с.
- Скоропанова, И. С. Белла Ахмадулина как прототип литературных персонажей / И. С. Скоропанова // *Русская литература: многовекторность подходов : сб. науч. статей / редкол.: С. Я. Гончарова-Грабовская [и др.]*. – Минск : РИВШ, 2017 – С. 220–246.
- Томашевский, Б. В. Литература и биография / Б. В. Томашевский // *Книга и революция*. – 1923. – № 4 (28). – С. 8.
- Тынянов, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов – М. : Наука, 1977. – 578 с.
- Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. – М. : Касталь, 1996.
- Ханселк, З. Момемуры / З. Ханселк, И. Северин ; перевод с английского и примечания М. Берга. – Текст : электронный // *Вестник новой литературы*. – 1993. – № 5. – URL: <https://coollib.com/b/259157/read> (дата обращения: 01.02.2023).
- Шевцов, И. М. Во имя отца и сына / И. М. Шевцов. – М. : Московский рабочий, 1970. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/183942-ivan-shevtsov-vo-imya-otsta-i-syna.html> (дата обращения: 01.01.2023). – Текст : электронный.
- Fish, S. (1970). *Literature in reader: Affective stylistics* / S. Fish // *New lit. History*. – 1970. – Vol. 2, No. 1. – P. 123–162.
- Ketchian, S. I. *The Poetic Craft of Bella Akhmadulina* / S. I. Ketchian. – New York : University Park, 1993. – 248 p.

REFERENCES

- Abashev, V. V., Abasheva, M. P. (2012). A byl li mal'chik iz Permi? Literaturnoe rassledovanie [Was There a Boy from Perm? Literary Investigation]. In *Novyi mir*. No. 10, pp. 118–132.
- Abasheva, M. P. (2000). «Kak stat' pisatelem» (po rasskazam permskikh literatorov) [“How to Become a Writer” (According to the Stories of Perm Writers)]. In *Provintsiya. Povedencheskie stsenarii i kul'turnye roli. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Geopanorama russkoi kultury»*. Moscow, pp. 47–53.
- Akhmadulina, B. A. (2006). «Mne kazhetsya, ya skoro stanu pisat' o negrakh...» [“It Seems to Me That I Will Soon Begin to Write about Negroes...”]. In *Izvestiya*. July 27. URL: <https://iz.ru/news/315748> (mode of access 01.02.2023).
- Akhmadulina, B. A. (2009). *Druzei moikh prekrasnye cherty... [My Friends Have Beautiful Features...]*. Moscow, Astrel', Olimp. 507 p.
- Akhmadulina, B. A. (2010). *Noch' upadan'ya yablok [Night of the Fall of Apples]*. Moscow, Astrel', Olimp. 514 p.
- Akhmadulina, B. A. (2011). *Pugovitsa v kitsaiskoi chashke [Button in a Chinese Cup]*. Moscow, Astrel', Olimp. 637 p.
- Aksenov, V. (2011). *Tainstvennaya strast, (roman o shestidesyatnikakh). Avtorskaya versiya [Mysterious Passion (A Novel about the Sixties). Author's version]*. Book 1. Moscow, Izdatel'stvo «Sem' dnei». 677 p.
- Aleshka, T. V. (2001). *Tvorchestvo B. Akhmadulinoi v kontekste traditsii russkoi poezii [Creativity of B. Akhmadulina in the Context of the Traditions of Russian Poetry]*. Minsk, RIVSh BGU. 124 p.
- Bart, R. (1989). *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika [Selected Works. Semiotics. Poetics]*. Moscow, Progress. 616 p.
- Brodsky, I. *Zachem rossiiskie poety? [For What Russian Poets?]*. URL: https://brodskiy.su/proza/zachem-rossiiskie-poety/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (mode of access: 01.02.2023).
- Dubin, B. V. (2001). *Biografiya, reputatsiya, anketa [Biography, Reputation, Questionary]*. In *Slovo – pis'mo – literatura*. Moscow, NLO, pp. 98–119.
- Evtushenko, E. A. (1995). *Kratko o B. Akhmadulinoi [Briefly about B. Akhmadulina]*. In *Strofy veka. Antologiya russkoi poezii*. Minsk, Moscow, Polifakt. URL: <http://poetrylibrary.ru/stixiya/7.html> (mode of access: 01.02.2023).
- Evtushenko, E. A. (2015). *Volchii pasport [Wolf Passport]*. Moscow, Azbuka-Attikus. 760 p. URL: <https://e-knigi.com/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/page-21-115433-evgenii-evtushenko-volchii-pasport.html> (mode of access: 01.02.2023).
- Fish, S. (1970). *Literature in Reader: Affective Stylistics*. In *New lit. History*. Vol. 2. No. 1, pp. 123–162.

- Fuko, M. (1996). Poryadok diskursa [Order of Discourse]. In Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Moscow, Kastal'.
- Golos epokhi. Druz'ya i kollegi o Belle Akhmadulinoi [The Voice of the Epoch. Friends and Colleagues about Bella Akhmadulina]. (2010). In RIA novosti. Rossiya segodnya. URL: <https://ria.ru/analytics/20101129/302450565.html> (mode of access: 01.02.2023).
- Hanselk, Z., Severin, I. (1993). Momemury [Momemura]. In Vestnik novoi literatury. No. 5. URL: <https://coollib.com/b/259157/read> (mode of access: 01.02.2023).
- Ivakín, I. N. (2012). Kuda zhit? Puteshestvie iz tochki A v tochku... Kniga vospominanii [Where to Live? Journey from Point A to Point ... Book of Memories]. Perm. 163 p.
- Ketchian, S. I. (1993). The Poetic Craft of Bella Akhmadulina. New-York, University Park. 248 p.
- Korolev, A. V. (1988). Ozhog linzy [Lens Scorch]. Moscow, Sovetskii pisatel. 366 p.
- Korolev, A. V. (2010). Bella Akhmadulina: svecha na vetru [Bella Akhmadulina: a Candle in the Wind]. In RIA novosti. Rossiya segodnya. URL: <https://ria.ru/analytics/20101129/302450565.html> (mode of access: 01.01.2023).
- Korolev, A. V. (2012). Ozhog linzy. Istoriya teksta [Lens Scorch. Text History]. Rukopis', Arhiv avtora stat'i.
- Losev, A. F. (1990). Dialektika mifa [Dialectic of Myth]. Moscow, Izdatel'stvo «Pravda». 655 p.
- Messerer, B. A. (2016). Promel'k Belly. Romanticheskaya khronika [Bella's Flash. Romantic Chronicle]. Moscow, Izdatel'stvo Eleny Shubinoi. 848 p.
- Mishanenkova, E. A. (2017). Lyubov' – delo tyazheloe [Love is Hard Work]. Moscow, AST. 320 p.
- Nagibin, Yu. M. (1996). Dnevnik [Diary]. Moscow, Knizhnyi sad. 727 p.
- Nekrasov, V. N. (1978). Tridsat' sem [Thirty Seven]. In Zhurnal o kul'turnoi i religioznoi zhizni. Leningrad. No. 15. URL: http://samizdatcollections.library.utoronto.ca/islandora/object/samizdat%3A37_15/datastream/PDF/view (mode of access: 01.02.2023).
- Novikov, V. I. (2017). Literaturnye mediapersony XX veka: Lichnost' pisatelya v literaturnom protsesse i v mediinom prostranstve [Literary Media Persons of the 20th Century: The Personality of the Writer in the Literary Process and in the Media Space]. Moscow, Aspekt-Press. 240 p.
- Shevtsov, I. (1970). Vo imya ottsa i syna [In the Name of Father and Son]. Moscow, Moskovskii rabochii. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/183942-ivan-shevtsov-vo-imya-ottsa-i-syna.html> (mode of access: 01.01.2023).
- Skoropanova, I. S. (2017). Bella Akhmadulina kak prototip literaturnykh personazhei [Bella Akhmadulina as a Prototype of Literary Characters]. In Goncharova-Grabovskaya, S. Ya. et al. (Eds.). Russkaya literatura: mnogovektornost' protskhodov: sb. nauch. state. Minsk, RIVSh, pp. 220–246.
- Tomashhevsky, B. V. (1923). Literatura i biografiya [Literature and Biography]. In Kniga i revolyutsiya. No. 4 (28), p. 8.
- Tynyanov, Yu. N. (1977). Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka. 578 p.
- Vinokur, G. O. (1997). Biografiya i kul'tura. Russkoe stsenicheskoe proiznoshenie [Biography and Culture. Russian Stage Pronunciation]. Moscow, Russkie slovari, pp. 17–88.
- Volkovysky, K. L. (2012). Vospominaniya [Memories]. In Arkhiv avtora stat'i.
- Voynovich, V. (2017). «Bella byla otchayannoi khuligankoi». Pisatel' Vladimir Voynovich ob otvage, yumore i «instinkte samosokhraneniya lichnosti» Belly Akhmadulinoi [“Bella was a Desperate Hooligan. Writer Vladimir Voynovich about Courage, Humor and “Self-preservation Instinct” of Bella Akhmadulina]. In Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2017/03/30_a_10603433.shtml#page1 (mode of access: 01.02.2023).
- Zavada, Z., Kulikov, Yu. (2023). Tsvet i teni Belly Akhmadulinoi. Pervaya polnaya biografiya [Color and Shadows of Bella Akhmadulina. First Full Biography]. Moscow, Eksmo. 928 p.
- Zenkin, S. N. (2021). Tri teoretika biografii: Vinokur, Lotman, Dubin [Three Biography Theorists: Vinokur, Lotman, Dubin]. In Studia Culturae. Issue 4 (46), pp. 259–269.
- Zholkovsky A. (2003). Erosiped i drugie vin'etki [Erosiped and Other Vignettes]. Moscow, Vodolei Publishers. 624 p.

Данные об авторе

Абашева Марина Петровна – доктор филологических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия), Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (Пермь, Россия).

Адрес: 614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15.

E-mail: m.abasheva@gmail.com.

Author's information

Abasheva Marina Petrovna – Doctor of Philology, Professor, Perm State University (Perm, Russia), Perm State Humanitarian Pedagogical University (Perm, Russia).

Дата поступления: 13.02.2023; дата публикации: 30.03.2023

Date of receipt: 13.02.2023; date of publication: 30.03.2023